

Петр Александрович Мейлахс, сотрудник Центра независимых социологических исследований, тел.941-01-11, email: mpeter@indepsores.spb.ru

МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА ВОКРУГ НАРКОТИКОВ В РОССИИ: ПОЧЕМУ ОНА ЗАКОНЧИЛАСЬ?

Вряд ли стоит обосновывать опасность для ребенка в современном мире такого явления как наркомания, вред ее очевиден. Однако иногда случается так, что усилия различных общественных институций, направленные на то, чтобы решить или по крайней мере как-то смягчить эту проблему, оборачиваются возникновением моральной паники, то есть необоснованным страхом, что наркомания приняла масштабы национальной катастрофы и грозит уничтожить нацию. Ущерб моральной паники проявляется в том, что она переводит в военное или силовое русло львиную долю средств, предназначенных для борьбы с наркоманией, способствуя распространению страха по поводу того, что наркомания – это неизлечимое заболевание, возникающее часто после первой пробы наркотика, формирует самооправдывающихся прогнозы и лишь увеличивает «диаметр наркотической воронки», и, кроме того, сея различные мифы и заблуждения по поводу одинаковой вредоносности всех наркотиков, снижает эффективность антинаркотической профилактики (Мейлахс 2003).

За последний год мне довелось принимать участие в нескольких проектах, посвященных конструированию проблемы наркотиков петербургскими и общероссийскими печатными СМИ. Результаты моей работы, равно как и исследования других авторов, свидетельствуют о том, что в 1998 – 2001 гг. дискурс СМИ о наркотиках можно охарактеризовать как моральную панику, то есть реакцию несоразмерную опасности наркомании в России (Мейлахс 2004а; Мейлахс 2004б; Смирнова 2000; Костерина 2002). Анализ ситуации также показал, что пик этой паники позади, а сам интерес к проблеме наркотиков падает, начиная с 2001 года, и находится сейчас примерно на уровне 1998 года.

Данная статья посвящена анализу того, почему в России схлынула волна моральной паники по поводу наркотиков. Конечно, полноценное объяснение этого феномена – задача достаточно масштабная, для которого понадобился бы отдельный проект, однако уже сейчас можно сформулировать некоторые причины того, почему антинаркотическая паника подошла к такому быстрому концу.

Безусловно, возникновению описанной ранее дискурсивной ситуации моральной паники вокруг наркотиков способствовала объективная трансформация – рост наркомании в России в течение 90-х годов. Кроме того, что немаловажно, этот рост происходил в обществе, где наркомания в течение многих лет никак не фигурировала в качестве социальной проблемы, в массовом сознании она устойчиво ассоциировалась либо с социальными проблемами Запада, либо с далеким прошлым (Гражданская война). Грубо говоря, этот рост выглядел не как рост от среднего уровня к большому или от большого к очень большому, а от очень маленького к среднему. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Наркомания была новым феноменом, она не выглядела естественной, неизбежной частью современной городской жизни. Для того же чтобы явление могло превратиться в социальную проблему, оно не должно выглядеть естественным и неизбежным. Именно его неотвратимость и естественность, а не степень опасности является важнейшим критерием возможности превращения того или иного условия в социальную проблему. То есть, для того, чтобы что-то стало социальной проблемой, необходимо выполнение условия: оно может быть по-другому (Looseke 2003). Так, например, смерть наших бабушек и дедушек – чудовищное, по сути, явление никогда не превращалось и, по всей видимости, не превратится в социальную проблему. При всем том, гораздо менее трагичное обстоятельство – отсутствие дешевых похоронных услуг, чтобы их похоронить, было острой социальной проблемой в начале 90-х годов.

Однако, к началу нынешнего столетия произошла рутинизация и натурализация наркомании в России, она стала частью повседневности и перестала восприниматься как нечто чуждое, завезенное и неестественное, а напротив как неизбежное зло современной городской жизни. Такая трансформация условия в массовом сознании послужила причиной потери интереса к проблеме наркомании.

Кроме того, в России стабилизировалась ситуация с потреблением наркотиков. Так, например, данные Минздрава говорят о том, что первичная заболеваемость наркоманией в России (то есть число новичков, втягивающихся в это занятие) еще в 2001 году снизилась на 14% по сравнению с уровнем 2000 года. Снижение заболеваемости продолжалось в 2002 году – на 58% по сравнению с 2001 годом, а в 2003 году заболеваемость упала еще на 15.9%. В 2003 г. по сравнению с предыдущим годом показатель болезненности подростков наркоманией снизился на 43.3%. Стоит отметить, что одного этого условия – снижения объективных показателей заболевания наркоманией недостаточно для прекращения моральной паники – в США, например, моральная паника вокруг наркотиков началась в то время, когда показатели общей наркотизации населения падали, а закончилась она, несмотря на то, что в стране начался рост потребления наркотиков (Goode and Ben-Yehuda 1994). Иными словами, решающее значение имеет не объективное существование явления, а процесс придания ему общественной проблематики.

Теперь к вопросу о том, почему происходит эта стабилизация. Самая легкая и комфортная модель социального бытия заключается в том, чтобы считать, что мир управляем, и подчинен человеческой воле, нужно лишь найти толковых «профессионалов», которые выработают правильные и объективно оцениваемые «социальные программы». Миф о том, что социальные проблемы (и проблема наркотиков не исключение) – это следствия чьего-то «непрофессионализма» и ключ к их решению лежит в поиске надлежащих «экспертов», способных с помощью социальных программ с ними справиться, является одним из самых распространенных как для современной России, так и для всего Запада. Программы эти могут быть самыми разными, и консервативными и либеральными. Некоторые думают, что нужно лишь укрепить властную вертикаль и ввести программы по патриотическому воспитанию и одновременно с этим навести порядок в силовых органах и усилить уголовную ответственность за потребление наркотиков, как молодежь отвернется от дурмана и побежит в военно-патриотические клубы. Другие считают, что все дело в том, что не существует цивилизованного рынка наркотиков, и, что стоит лишь осуществить программу по их легализации, как большинство негативных феноменов, связанных с употреблением наркотиков отомрут сами собой. Третьи уповают на профилактические программы и полагают, что ценности социального успеха и здорового образа жизни автоматически вытеснят «негативные» ценности различных субкультур, в том числе и наркотической.

К сожалению, а может и к счастью, взаимоотношения государственной политики и системы человеческих ценностей не такие простые, какими могут показаться. Например, увеличение потребления наркотиков в России за последние 10 лет еще можно как-то попытаться объяснить «недостаточными мерами по борьбе с наркотиками», «развалом системы по воспитанию молодежи», «отсутствием грамотной профилактики», «происками западных спецслужб», и т.д. Ну, а как тогда объяснить то, что, как явствует из последнего доклада ООН по наркотикам, в Китае с его массовыми казнями наркоторговцев, столь близкими сердцу нашего обывателя, и мощной государственной антинаркотической пропагандой, количество зарегистрированных наркозависимых увеличилось в 15 раз за период с 1990 по 2003гг (ООН, Управление по наркотикам и преступности 2004)? Или как объяснить, что в Голландии, несмотря на либеральную политику, число потребителей, как легких, так и тяжелых наркотиков, остается стабильным уже на протяжении многих лет, причем ниже, чем в соседних Великобритании и Дании, где политика в отношении наркотиков не столь либеральна? А в Швеции, с самой жесткой антинаркотической

политикой в Европе, уровень наркотизма тоже самый низкий (EMCDDA 2002)? Жизнь никогда не удастся втиснуть в прокрустово ложе примитивных схем как консервативного, так и либерального образца. С профилактикой тоже все обстоит, мягко говоря, неоднозначно. Знаменитая американская образовательная программа по противодействию злоупотреблению наркотиками (DARE), в которую вкладывали и продолжают вкладывать до полутора миллиардов долларов в год, по мнению Счетной палаты США (GAO 2003), а также ряда других наблюдателей (Elliott 1995) оказалась абсолютно неэффективной. Не то, чтобы она была полностью бесполезной - исследователи, оценивавшие эту программу, пришли к выводу, что она оказывает положительное воздействие на знание школьников о наркотиках, помогает развивать их социальные навыки и улучшает их отношение к полиции. Единственный ее минус: отсутствие хоть какого-нибудь эффекта в том, что было, собственно, главной ее целью – снизить злоупотребление наркотиков среди молодежи.

С одной стороны, эти факты могут внушать безнадежный пессимизм, особенно тем, кто привык перекладывать всю ответственность на «специалистов» и ждать от них ответов на любые вопросы, а с другой стороны, сама жизнь, зачастую и подсказывает ответы.

На мой взгляд, «героинизацию» современной российской молодежи остановил в первую очередь сам героин. Настолько его действие оказалось разрушительным, настолько личность наркомана оказалась неприглядной и лишенной каких-либо романтических качеств, и настолько четкой оказалась связь между его действием и моральной деградацией, что вмешательство каких-либо «высших сил» в лице государственных институтов не было столь уж необходимым. К сожалению, люди убедились в этом лишь тогда, когда наркотик вторгся в их жизненный мир, когда знание о нем пришло не с экранов телевизоров или душевспасительных лекций, а из личного опыта или опыта своего непосредственного окружения. Жизненный мир людей – вещь гораздо более мощная и в то же время непредсказуемая, чем самые толковые и прописанные государственные программы. Отсюда и наблюдающееся в последнее время падение моды на тяжелые наркотики.

В США тоже происходили схожие процессы в конце 80-х в отношении другого разрушительного наркотика – крэка. Тогда, в различных (в том числе уличных) субкультурах употребление этого наркотика все больше стало воспринимается как проявление не «крутости», а слабости и моральной деградации (Furst et al. 1998). Многие потребители крэка начали скрывать свое пристрастие от друзей, чтобы не потерять «респект» (уважение), столь необходимый для успешного существования в уличной субкультуре, а огромная их часть была вынуждена отказаться от его курения (а молодежь и вовсе не начинать). В результате доля арестов за употребление крэка сократилась с 69% в 1987-м году до 17% 1993-м (Golub and Johnson 1994).

Колебания в употреблении наркотиков в социуме зависят и от изменения общественных ценностей в макромасштабе. Например, в Голландии в 70-х годах до легализации легких наркотиков их употребляли больше, чем в 80-х, когда эти наркотики стали продаваться легально (van de Wijngaart 1990). И, тем не менее, я не припоминаю, чтобы кто-то даже из самых либеральных исследователей наркомании объяснял этот факт эффектом легализации. Просто 70-е подошли к концу, и эпоха хиппи с ее культом марихуаны завершилась. В 80-е годы пришли совершенно другие ценности – стало модно быть «богатым и здоровым», а наркотики, в том числе и легкие, никак в такие ценности не укладывались. Именно наступлением эры «яппи», с ее фетишизацией денег и материального успеха, а также возвращением к консервативным «семейным ценностям», большинство наблюдателей связывают резкое снижение потребления наркотиков в Америке в тот период.

В России тоже в последнее время происходит определенное изменение в общественных ценностях. Я называю это подъемом российского неоморализма, то есть

постепенным отказом от перестроечных либеральных ценностей и одновременным возвратом к старым советским ценностям и сплава их с ценностями старой дореволюционной России. Символическим действием, направленным на освящение этого сплава явилось принятие Государственной Думой советского гимна вместе с государственным флагом старой дореволюционной России. Однако, насколько такое изменение происходит «в верхах», а в какой степени поворот к традиционным «фундаментальным» ценностям характеризует широкие общественные круги и молодежь в том числе, остается пока мало исследованным вопросом. Тем не менее, можно предположить, что если такой поворот в ценностях действительно произойдет, причем среди молодежи, то потребление наркотиков снизится.

Другой важной группой факторов, способствующих прекращению моральной паники вокруг наркотиков, являются изменения внутри одной из институциональных арены, где происходило конструирование социальной проблемы наркотиков – СМИ. Хилгартнер и Боск (1988) предлагают рассматривать социальные проблемы не в отдельности, а в качестве совокупности условий, которые конкурируют друг с другом за общественное внимание и ресурсы на различных аренах общественного дискурса и действия, таких как СМИ, правительственные организации, благотворительные фонды и т.д. Общественное внимание рассматривается этими учеными как достаточно редкий ресурс, борьба за который происходит посредством конкуренции в системе различных арен. Каждой такой арене свойственна определенная вместительная способность, принципы селекции, организационные характеристики. Так, например в случае печатных СМИ, такими характеристиками могут быть структура газеты и ее место на рынке печатной продукции, размер штата, разделение на определенные секции, зависимость издания от государства или от коммерческих структур, зависимость от источников информации, параметры «ценности новостей» (newsworthiness). При этом конкуренция за внимание и ресурсы происходит на двух уровнях: конкуренция между определениями одной и той же проблемы и конкуренция между разными проблемами.

Одним из ключевых элементов конкуренции между проблемами на арене СМИ является драматизм проблем. Драматизация проблемы служит одной из важных стратегий СМИ за привлечение читателей и увеличение тиража газеты и, как следствие, рекламных поступлений. Именно этим можно объяснить многие дискурсивные стратегии СМИ, направленные на создание чувства повышенной опасности наркомании; такая драматическая подача материала имеет больше шансов на привлечение внимания читателей. Этим же приемом повышения внимания общества посредством драматизации пользуются первичные определители и интерпретаторы (Hall et al. 1978) проблемы наркотиков, от которых зависят СМИ в подаче материалов - представители силовых структур и медики. Так, например, представители Госнаркконтроля все время цитируют цифры роста за десять лет, так как именно они подчеркивают драматизм ситуации, а не последних 2-3 лет, где никакого драматического роста не наблюдалось. Этому могло способствовать и то, что в силу недостаточной развитости гражданского общества в России в период моральной паники конца 90-х было крайне мало общественных организаций, способных выступить с контр-определением ситуации и как-то дедраматизировать обстановку. Такие контр-определения, тем не менее, стали появляться все чаще в последнее время. Кроме того, российские социологи в отличие от своих западных коллег не составили достаточной оппозиции доминировавшим криминальным и медицинских определениям ситуации, занимаясь в основном их валидизацией на больших выборках и изложением на социологическом жаргоне различных клише массового сознания. Способности проблемы удержаться в пространстве общественного внимания может содействовать и вовлеченность в эту проблему уязвимых групп, повышающих ее драматизм. В случае наркомании такой группой являлись дети. Кстати, моральная паника в Петербурге начала 2002 года возникла после вовлеченности другой уязвимой группы в проблему наркотиков – пенсионеров. Именно, нападения на пенсионеров, приписываемые

наркозависимым (обоснованно или нет), явились катализатором моральной паники в Петербурге.

Еще одним важным фактором в конкуренции социальных проблем в пространстве общественного внимания и на различных аренах общественного дискурса является новизна проблемы. Новизна проблемы, либо каких-то ее аспектов может быть важной составляющей ее драматизма и, следовательно, конкурентоспособности в пространстве общественного внимания. Как я уже писал, именно этот факт может объяснять такое внимание прессы к наркотикам, несмотря на другие более серьезные, но в то же время и более рутинные социальные проблемы. Однако, чрезмерное количество драматических мессиджей приводит к инфляции драматизма социальной проблемы, ее рутинизации и утрате «силы новизны». Именно такая инфляция послужила причиной утраты интереса прессы к проблеме наркотиков с начала 2001 года. Поэтому, можно сказать, что в любой моральной панике заложены диалектические механизмы ее угасания.

Кроме того, любая арена общественного дискурса и пространство общественного внимания ограничены. Каждая из арен характеризуется определенной вместительной способностью. Поэтому, когда появляется какая-либо более конкурентоспособная социальная проблема, другая или другие социальные проблемы уходят на второй план и теряют свой «статус знаменитости». Такой более конкурентоспособной проблемой после 11 сентября 2001 года стал терроризм. Таким образом, проблема терроризма вытеснила из пространства общественного внимания наркоманию, начиная с конца 2001 года.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Elliot, J. Drug Prevention Placebo: How DARE Wastes Time, Money, and Police // Reason. 1995. March.
2. EMCDDA. Annual report on the state of the drugs problem in the European Union and Norway, European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA), 2002.
3. Furst R. Terry; Johnson Bruce D.; Dunlap Eloise, Curtis, Richard. The stigmatized Image of the “Crack head”: A Sociocultural Exploration of a Barrier to Cocaine Smoking among a Cohort of Youth in New York City // Deviant Behavior. 1998. Vol. 2.
4. General Accounting Office. *Youth Illicit Drug Use Prevention: DARE Long-Term Evaluations and Federal Efforts to Identify Effective Programs*, Jan 16, 2003.(GAO-03-172R)
5. Golub A., Johnson B.D. A Recent Decline in Cocaine Use among Youthful Arrestees in Manhattan, 1987 Through 1993 // American Journal of Public Health. 1994. vol.84 (8).
6. Goode E., Ben-Yehuda N. *The Social Construction of Deviance*. Oxford: Blackwell, 1994.
7. Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. *Policing the Crisis: Mugging, The State and Law and Order*. London: Macmillan, 1978.
8. Hilgarnter S., Bosk C.L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // American Journal of Sociology. 1988. Vol 94 Issue 1.
9. Looseke D. *Thinking About Social Problems*. NY: Aldine de Gruyter, 2003.
10. Van de Wijngaart, G.F. The Dutch Approach: Normalization of Drug Problems // Journal of Drug Issues. 1990. Vol. 20 Issue 4.
11. Костерина И. Криминал, скандалы, реклама и проповеди: наркомания и наркотики в презентациях СМИ // Тринадцатый шаг: социология наркотизации / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2002.

12. Мейлахс П. Опасности моральной паники по поводу наркотиков // Кредо-Нью. 2003. №1.
13. Мейлахс Петр. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №4.
14. Мейлахс Петр. Наркомания в зеркале СМИ // Профилактика потребления психоактивных веществ и пропаганда здорового образа жизни в Санкт-Петербурге, СПб:ЦРНО.2004.
15. Смирнова Н. Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди молодежи в местной прессе // Героинашего времени. Социологические очерки / Под ред. Е. Омельченко. Ульяновск: Средневолжский научный центр, 2000.
16. Управление по наркотикам и преступности, ООН. Всемирный доклад о наркотиках. 2004.